

ДУНОЕ.

„Новая женщина“.

(Письмо из Лондона.)

Достаточно заглянуть в газету или журнал в любой страны, чтобы натолкнуться на статью, стих, замечку или карикатуру — иногда остроумные, а большей частью нить — посвященные «новой женщине». Эту тему в Англии теперь обсуждают в театральном пьесах, в романах, в университетах, в политических брошюрах и даже в церковных проповедях. Все спорящие согласны в том, что перемены, происшедшие в современной женщине громадный и неминуемо отразятся в ближайшем будущем не спорящие решительно раскроятся в ее отблеск явления: «зв добру» ли то или «зв худу»? — гадают о ней.

Мнѣ кажется, в поставленному вопросу можно подойти по новому, и тогда еще выступит в совершенно ином свете. В удивительном рассказе Чехова «На пути к Лихареву» развивается перед барыней, с которой встретился ночью на станции, теория, что женщина всегда была и будет рабой мужчины. «Она ильзкий, мягкий восток, изъ которого музична всегда льются все, что ему угодно... Между племями для которых она жертвовавшая собой, нтъ въ одной женской... Безавытная, преданная раба... Самая гордая самостоятельная женщина. — говорить Лихарев. — если мнѣ удалось сообщить мнѣ свое вдохновение, или за мной, не рассуждая, не спрашивая, и дѣланы все, что я хотѣлъ.»

Лихарев желает сказать, что мужчина всегда создает женский характер и мировоззрение женщины по образу и подобию своему. Женщина уместно такъ сказать, свѣтит отраженным свѣтомъ мужчины, по теории Лихарева. Ее собственная индивидуальность, если она вообще существовала, давно уже вытѣлена заново пальцами мужчины. Социологи и антропологи могли бы привести много фактовъ для объяснения явления, указанного Лихаревымъ и не только имъ.

Социологъ удалился бы в глубь вѣковъ и указал бы на одно явление, существовавшее на всемъ земномъ шарѣ, в всѣхъ народахъ: бѣлыхъ, черныхъ, краснокожихъ и желтыхъ: на такъ называемую экзогамію, т. е. на обычай, обязывавший первоначальнаго членова жениться непременно внѣ племени. Мужчина тогда подстерегалъ женщину въ лѣсу или «у воды», охотуясь ее дубиной и уносялъ къ себѣ, къ военной добычѣ. Потомъ женщину стали почитать у чужого племени.

Какъ известно, экзогамія оставила глупо-

боие свѣды в устномъ творествѣ всѣхъ народовъ. Сведенные пѣсни всѣхъ народовъ содержатъ «плачи» дѣвушки, таящей свою свободу. Это — отдаленный отголосокъ женскихъ стоновъ того времени, когда она вступала въ домъ мужчины полойной, невольницей изъ другого племени. Задолго до зари истории племей а тѣсными голодомъ, вынуждены были кочевать на новые мѣста, гдѣ встречали засильиою. Происходили кровавые бои. Побѣдители истребля и всѣхъ мъ ячлнхъ и старыхъ женщинъ, а молодыхъ забрала въ жены. Такимъ образомъ, в течение многихъ десятиковъ тысячелѣтій женщина была всегда иноплеменной невольницей, взятой въ бою и подданнойся свѣд. Вѣроятно, часто она не понимала даже того языка, на которомъ говорили ее мужъ-похитчикъ.

Слѣдующимъ звеномъ между голодомъ, убившимъ яе родныхъ и рабой, между побѣдителемъ и плѣнницей, — являлись дѣти. Побѣдѣть умѣлъ только воеталъ, убивать и охотиться. Пѣлнница, на которой лежали въ заботы о дѣтихъ, больше думала о черномъ дѣдѣ, чѣмъ безпечный грубый воинъ и охотникъ. И вѣчныя заботы о черномъ дѣдѣ, когда пожелаетъ возвратиться безъ добычи для дѣтей, побудили первобытную женщину искать съѣдобные корни и зерна. Изобретателемъ не только одежды, но и искусства вырашивать съ добычи зерна и корня, т. е. первымъ земледѣльцемъ была вѣроятно женщина, а не мужчина. Греческій мифъ о Перерѣ, т. е. о женщинѣ, научившей прогнать изъ земледѣлія, подтверждаетъ гипотезу антропологовъ.

Прошли тысячелѣтія, а можетъ даже десятиа тысячелѣтій. Женщина утратила совершенно свою индивидуальность и стала свѣтитъ — отраженнымъ свѣтомъ своего повелителя. В цивилизованныхъ и полукультурныхъ странахъ женщина, согласно съ вкусами повелителя, пріобрѣтала опредѣленные манеры, движенія, способъ выражения, опредѣленное мышление. Даже одежда ее вырабатывалась подъ влияніемъ не ей, а его вкуса.

В зоологія есть законъ маскирїи; т. е. приспособленія окраски животного къ окружающей обстановкѣ. При этомъ бываетъ, что одно животное принимаетъ окраску другого вида, съ которымъ не имѣетъ ничего общаго. Такую же «маскирїю» проявляетъ женщина въ отношеніи къ мужчннѣ. Мужчина догадывался, что «маскирирующая» имѣетъ свою индивидуальность, совершенно особую, унаследо-

ванную отъ тѣхъ далекихъ временъ, когда существовала еще экзогамія, т. е. когда женщина всегда была чужакой, изъ другого племени; когда она имѣла свой языкъ, свои традиціи, своихъ боговъ.

То, что мужчина догадывался объ особой женской индивидуальности, подтверждается безконечнымъ множествомъ афоризмовъ о женщинѣ, остроумныхъ или глупыхъ, глубокихъ или пошлыхъ, добродушныхъ или жестокихъ, существующихъ въ каждой литературѣ. Содержание всѣхъ этихъ афоризмовъ одно и то же: женщина представляетъ иное существо, неизвѣстно, трудно понимаемое. Если бы первобытный мужчина, приходящий къ своему племени изъ другого племени, котору подстергъ въ лѣсу, могъ бы формулировать свои наблюдения надъ женщиной, онъ сказалъ бы, вѣроятно то же, что замечается въ безчисленныхъ афоризмахъ, имѣющихся въ любой литературѣ. Въ первобытныхъ странахъ «маскирирующая» женщина изучала животныя вкусы «повѣдителя» и приспособлялась къ нимъ и будила ихъ. Это, между прочимъ, породило типы восточныхъ народовъ и негровъ, имѣюще пышно возрождающъ преслащеную чувственность «повѣдителя».

Въ высоко культурныхъ странахъ «ми мирїа» распространялась на литературныя, эстетическія и политическіе вкусы «ему». Женщина, желавшая нравиться «ему», становилась «цивиленной», «фуртурской», «дадеткой» и даже пробовала говорить на «эзупернатернныя» «моды», какъ усвоивала кодексъ морали, выработанный мужчиной для себя. И всегда подъ зримостивной отъ мужчнн окраской сервилась другая индивидуальность, своя, большей частью, совершенно безознательная, унаследованная отъ времени, когда существовала экзогамія съ «умываніемъ» у воды и лодки женщины при помощи аркана. Женщннъ приходило «маскирїю» въ, потому что экономически она находилась въ полной зависимости отъ мужчины. Мужья или отецъ были «добытчиками» и «ормальными», безъ которыхъ женщина погибла бы.

Въ началѣ двадцатого вѣка въ Англии (я теперь говорю только о ней) произошла незамѣтная социальная революція: женщина стала «добытчицей», т. е. дѣлалась материально независимой. Этотъ процессъ, начавшійся еще въ первомъ пятилѣтіи 20-го вѣка, развернулся въ особенностн послѣ войны. Съ каждымъ мѣсяцемъ женщина является теперь все болѣе «успѣшнымъ конкурентомъ мужчина на новыхъ поприщахъ. Иногда она является такъимъ опаснымъ соперникомъ, что мужчина «слагаетъ оружіе» и уступаетъ ей все поле. Теперь кларками, шпр., являются,

по преимуществу, женщины. Женщины конкурируютъ съ мужчинами въ конторахъ, въ школахъ, въ лавкахъ, въ литературѣ, въ судѣ, въ госпиталѣхъ, въ лабораторіяхъ. И почувствовавъ свою мѣту и полную независимость, англійская женщина теперь не считаетъ болѣе надобнымъ «маскирїювать» мужчннѣ.

Впервые, послѣ огромнаго промежутика времени, выступаетъ собственная женская индивидуальность, а не отраженная мужская. Женщина одѣвается, какъ нравится болѣе удобными сама, а не такъ, какъ правится чувствомъ мужчины. (Длинные доходяща до земли платья подзаказаны въкусамъ мужчннѣ, а не необходимымъ или чувствомъ скромности.) Она сама думаетъ по своему и поступаетъ, какъ сама считаетъ болѣе правильнымъ. Все это «шокируетъ и возмущаетъ» мужчину, но материально независимой женщинѣ совершенно не нужно теперь вчитаться въ кодексы «цивилическія, выработанныя когда-то мужчиной».

Въ своей «мегафизіи любви» Шопенгауеръ говоритъ о тѣхъ чертахъ красоты, которые выработались у женщины подъ влияніемъ міровой «Воли», стремящейся къ поддержанію рода. Эти представленія, связанныя когда-то у женщины съ эстетическими понятіями о женской красотѣ (Длины груди, ланиты Флоры и т. д.) теперь измѣнились совершенно, когда женщина стала материально независима. Ее, по видимому, не интересуютъ ите «ея рода».

Новая эмансипированная женщина явилась собственнымъ идеаломъ физической красоты: она не хочетъ материнства, она пьла, ловя, безъ формъ, выстрижена по мальчишески. Въ все равно, правится ли это мужчннѣ или нтъ. Это правится ей.

Въ 1918 году англійскій социологъ Уолтеръ Хиллъ написалъ интересную книгу «Антонимный полонъ». Теперь этотъ антонимный выявился вполне, такъ какъ женщина впервые вполне оторвалась отъ собственного лица, не озабоченна болѣе отдаленнымъ «мужскимъ» свѣтомъ. Теперь мѣ въ полномъ смыслѣ слова имѣемъ въ Англии «двѣ нации».

Я не знаю, къ добру ли это или худу, такъ какъ два лица социологическаго явления являются первой важности. Какоето равнолѣтіе между двумя самостоятельными «націями», изъ которыхъ каждая желаетъ быть совершенно свободной и самостоятельной, — вѣроятно, въ концѣ-концовъ установится. Это, конечно, знаменуетъ совершенно новый «бытъ», отличный отъ всего прошлаго. Таково, какъ мнѣ кажется, значеніе явления, распространяющаго въ Англии и далеко за предѣлами ея.

Лондонъ.

ДУНОЕ.